

Цикл «Лабиринт Ехо»

Чужак
Волонтеры Вечности
Простые волшебные вещи
Темная сторона
Наваждения
Власть несбывшегося
Болтливый мертвец
Лабиринт Мёнина

Цикл «Хроники Ехо»

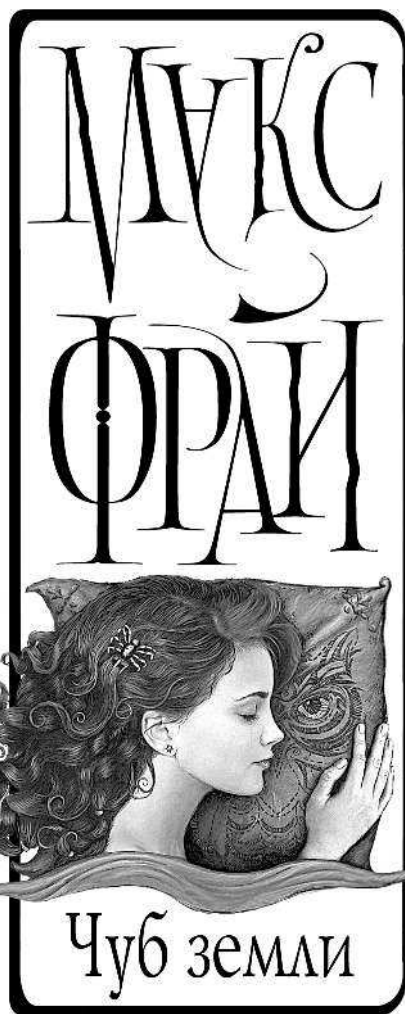
Чуб земли
Властелин Морморы
Неуловимый Хабба Хэн
Ворона на мосту
Горе господина Гро
Обжора-Хохотун
Дар Шаванахолы
Тубурская игра

Цикл «Сновидения Ехо»

Мастер ветров и закатов
Слишком много кошмаров
Вся правда о нас
Я иду искать
Сундук мертвеца
Отдай мое сердце
Мертвый ноль

≡○✠≡
 Λ○✠V≡sbea
 ≡sbea≡IK
 ≡sbea≡usstec
 ≡sbea

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Чуб земли / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Хроники Ехо).

ISBN 978-5-17-090543-0

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом еще неосуществленных возможностей. Поэтому именно он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило и с любопытством приглядывается к ним из-за садовой ограды.

В первой книге цикла «Хроники Ехо» будут рассказаны две истории: о тайном королевском походе через остров Муримах и о трудных временах, которые наступили для Тайного Сыска после того, как сэр Макс остался в Тихом Городе — как всем тогда казалось, навсегда.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090543-0

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2020

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

Стекланные снегири на Птичьем Мосту устроили переполох. Вертятся, звенят, дребезжат, а кажется, что щебечут: «Кто? Кто идет? Кто, кто? Кто к нам идет? Кто? Кто мимо нас прошел? Кто, кто? Кто от нас ушел? Кто?»

А это всего-то Триша идет с рынка. Было бы из-за чего такой шум поднимать.

Корзина ее почти пуста: несколько корешков черного имбиря, шкатулка с зернами кардамона, пучок мяты, фунт горького морского сахара, бутылка кленовой росы, да букет мелких хризантем, еще влажных после утренней поливки. Можно было бы обойтись и без этих покупок, на кухне у Триши нет недостатка в специях и травах, но ей требовался хоть какой-нибудь предлог для неспешной прогулки через весь город — как всегда. Лень всякий раз выдумывает иную причину, изобретать новый маршрут, вот и говорит она себе почти каждое утро, что надо бы отправиться на рынок. Иногда это оказывается правдой; в такие дни ее корзина становится слишком тяжелой, и долгий обратный путь не доставляет особого удовольствия — хорошо, если попадется попутчик с тележкой, но так редко случается. Поэтому Триша не слишком любит правду, по крайней мере, в мелочах.

«Кофейная гуца» стоит на самом краю города — то есть не просто на окраине, а аккурат на самой границе между «здесь» и «там», «между светом и тенью», как шутит дядюшка Франк, так что фасад с вывеской выходит на Пустую улицу, а заднее крыльцо, часть палисадника и флигель, где иногда ночуют гости, утопают в живом тумане Границы. Поэтому щенки тумана разгуливают по всему дому, лаптят-

ся к домохозяевам, иногда забираются на колени к посетителям. Они идеальные домашние любимцы: хлопот с ними немного, только и дел — следить, чтобы в кувшин с водой никто сдуру не залез, а то ведь растает, жалко. А большие никакой возни: щенки тумана питаются человеческим вниманием, а лужицы, которые они иногда оставляют на половицах, быстро высыхают сами, наполняя дом ароматом сырости и меда, так что не приходится тратить на благовония. «Следует признать, когда я сама была кошкой, я доставляла своим опекунам куда больше беспокойства — а ведь они считали меня тихоней и умницей», — думает Триша.

Это правда.

Триша, впрочем, до сих пор умница и почти тихоня — оно и неплохо. Франк часто повторяет, что это было самое мудрое решение в его жизни: превратить пеструю кошку Тришу в девушку. Только с кошкой и можно ужить под одной крышей — при условии, что она перестанет гадить в башмаки своих врагов, научиться варить кофе и печь шафрановые коржики. А поскольку все эти искусства легко удаются именно людям, проще сразу превратиться в человека, чем сотню лет учиться цирковым фокусам. Поэтому Трише пришлось превращаться. Она, впрочем, довольна. О Франке и говорить нечего.

Однажды за ужином он обмолвился, что когда-то, очень, очень давно несколько лет прожил в лисьей шкуре и с тех пор доверяет оборотням куда больше, чем обычным людям, или животным. Дескать, тот, кому ни разу не доводилось стать чем-то иным, вообще ничего не знает ни о жизни, ни о себе, а невежество, как известно, хуже греха, — последнюю фразу Франк повторяет очень часто, по любому поводу и вовсе без повода, произносит ее с видимым удовольствием, смакует, наслаждаясь каждым словом. Глядя на него, Триша почти уверена, что слово «невежество» имеет отчетливый привкус копченой селедки, «хуже» смахивает на черный, вязкий ржаной хлеб, а хрустящий «грех», надо понимать, впитал в себя всю сладость и остроту репчатого лука.

«Насчет невежества и греха Франку, конечно, виднее, но как по мне, на оборотнях свет клином все-таки не сошелся», —

думает теперь Триша. Ей нравятся и соседи, и знакомые горожане, и почти все клиенты, даже те, кто видит «Кофейную гуцу» и городские улицы во сне. Таких тут всегда хватало; здешние жители называют их «призраками» и уделяют им не больше внимания, чем птицам и бабочкам. Глазуют, умиляются, смеиваются, изредка угощают забавных чужаков домашним печеньем, но на порог стараются не пускать и серьезных бесед не заводят. «Они и правда смешные, эти сновидцы. — Триша улыбается своим мыслям. — Одни с ошалевшим видом слоняются по городу, другие бросаются творить всякие пустяковые чудеса, летают над крышами и скачут сквозь стены, упиваясь собственным могуществом и полной безнаказанностью; третьи деловито обустраиваются на новом месте, даже не подозревая, что несколько часов спустя им придется отсюда исчезнуть — скорее всего, навсегда. И лишь немногие ведут себя правильно: внимательно глядят по сторонам, запоминают важные детали, выспрашивают у словоохотливых горожан дорогу, ищут талисманы и заводят полезные знакомства. Таким удастся вернуться сюда наяву. Не всем, конечно, но все-таки...»

Путешественники вообще не слишком часто сюда попадают. Самый простой путь — приехать на канатной дороге, снизу, из долины. Но это же еще надо как-то туда попасть, а потом набраться мужества и сесть в ненадежную с виду кабинку, стремительно уползающую куда-то ввысь... Некоторые, впрочем, приходят пешком, есть и такие, что с воплями просыпаются поутру в пустовавших прежде постелях заброшенных домов, а вот Тришины друзья Фанни и Марк, которые живут в синем доме на Тихой улице, ухитрились прибыть в город на воздушном шаре. Теперь-то они уважаемые люди: Марк придумывает наряды для доброй половины городских модниц, а Фанни сумела разговорить булыжники на Большой площади, и старательно записывает их истории, которыми зачитываются буквально все, от мала до велика. Соседи в них души не чают, мосты смеются под их ногами, даже недоверчивые саламандры свили гнездо в их камине и вывели малышей, а этим мало кто может похвастать. Кажется, будто Фанни и Марк всегда жили в городе; некоторые

действительно так думают, но Триша хорошо помнит их дурацкий воздушный шар ярко-красного цвета, и как все сбежались смотреть на такую невидаль, а потом они с дядюшкой Франком отпивали продрогшую, насмерть перепуганную парочку имбирной водкой и варили для них чесночный суп с зелеными кофейными зернами, у Триши еще гренки подгорели, потому что все время отлучалась от плиты поглядеть, как там эти двое.

И дело вовсе не в том, что Фанни и Марк были какие-то особенные (на самом деле все — особенные, но это отдельный разговор). Просто для Триши и Франка всякий новичок, любой чужак — дорогой гость. Собственно, «Кофейную гуцу» открывали именно для них. Потому и место такое выбрали: на самой границе. Рассудили, что в городе и без того хватает кофеен, кондитерских, баров, чайных навильонов, пивных, пиццерий и ресторанов, а вот встретит заплутавшего путника, угостит его чашечкой кофе и рюмкой крепкой настойки, растолковать, что к чему, а если понадобится, то и обратную дорогу показать, кроме них, вроде как, никому.

Некоторые гости расплачиваются самоцветами, или монетками, иные — простенькими чудесами. Благодаря мрачному господину в полосатом жилете Триша когда-то обзавелась рыжей, кудрявой шевелюрой взамен надоевших светлорусых косичек, с помощью улыбчивой старушки в розовых очках поменяла обычные витражи в спальне на окна, по стеклам которых всегда, даже в солнечную погоду стучит дождь — то есть, тому, кто в комнате, кажется, будто на улице дождь, а какая на самом деле погода, не узнаешь пока не выйдешь. И еще немало полезных новшеств сумела внести в свою жизнь жадная до мелких чудес Триша — а всё они, гости. Но иногда в «Кофейную гуцу» заглядывают клиенты, готовые заплатить за угощение и кров увлекательными историями. Таких Триша любит больше всего. «Если бы не они, мне пришлось бы довольствоваться одной жизнью — собственной, — думает она. — А это очень, очень мало». Выслушивая очередную историю, Триша словно бы проживает чужую жизнь — торопливо, небрежно, не особо вдаваясь в детали, не слишком утруждая свое сердце скорбью, улыбается уголками губ там,

где следовало бы хохотать от души — но именно это ей нравится больше всего. Все равно что сливки с чужого молока снять, слизнуть и побежать дальше по своим делам. Типичный кошачий подход к делу, — говорит Франк.

Ну да. А как иначе?

— Я вернулась! — кричит Триша, переступая порог совершенно пустой кофейни. Звонко кричит, чтобы Франку во флигеле было слышно.

— Не ори, — просит он. — Что вернулась, это ты молодец, а вот шуметь совсем не обязательно.

Оказывается, зря она старалась. Франк тут, за стойкой. Но сидит почему-то на полу, а не на табурете, вот его и не видно. Возится с джезвой, строгают туда какой-то крошечный пахучий орешек. Никак опять с кофе экспериментировать. С другой стороны, а чем еще заниматься? В кофейне-то пусто, уже который день. Горожане сюда редко добираются, лень им даже ради самого что ни на есть раскрепасного кофе на окраину топать, а гостей издалека что-то давненько не было. Даже сони-сновидцы куда-то пропали, а ведь раньше невозможно было в сад выйти, чтобы на одного из них не наткнуться. Слонялись всюду, даже на кухню заходили порой, с советами лезли, смешные люди... Черт знает, что им там теперь грезится по ночам, только не «Кофейная гуца». Вот Триша с Франком и сидят вдвоем уже который день, угощают друга друга солеными леденцами, сочиняют новые рецепты, гладят туманных щенков, в нарды играют, лениво переставляют шашки, не слишком интересуясь победой — ни дать ни взять старые бобыли, нелюдимые хуторяне, пограничники на всеми забытой заставе. Ну да, изредка бывшие клиенты заглядывают по старой памяти, и еще Алиса из дома на холме почти каждый день заходит после обеда на чашечку кофе, приносит домашние кексы с цукатами, пересказывает соседские сны — небрежно, как сплетни, или анекдоты. Но Алиса не в счет, она не клиент, а старинная подруга, почти член семьи.

И сейчас в кофейне пусто: только Триша, Франк и новый, незнакомый аромат. Он усилился, сгустился, приобрел почти видимые глазу очертания и даже, кажется, вес — того гляди

на стул усядется и потребует, чтобы его развлекали беседой. Триша демонстративно морщит нос, поджмывает губы, глядит вопросительно: дескать, что за чудные дела у меня на кухне творятся?

— Это мускатный орех, — говорит Франк. — Нравится? У нас на рынке их почему-то совсем нет, а у меня в кармане, за подкладкой нашелся. Думаю: а дай-ка сварю для Триши кофе с мускатом. Отличная вещь, если не переборщить, конечно. Но так со всеми специями...

Она кивает, еще раз принюхивается к ореху — на сей раз вполне благосклонно, рекомендация Франка дорогого стоит — а сама тем временем разбирает покупки, мяту ставит в вазу, хризантемы мелко режет острым ножом, складывает в горшочек, поливает виноградным маслом. Будет нынче на обед цветочный салат. Франк его не ест, но разглядывать очень любит. Она знает, это для него очень важно — насытить взор.

— Сегодня у нас будут гости, — говорит Франк. — Так что пляши, Триша.

Это не просто фигура речи, уж ей-то известно. Если Франк говорит: «пляши», значит надо хоть несколько танцевальных движений сделать, а то не отвяжется. Поэтому Триша пляшет. Вертит задницей, притоптывает ножками в новеньких сандалиях, отбивает ритм ладонями. Старается.

— И хорошие гости? — спрашивает, переведя дыхание.

— А то. Лучше не бывает.

Триша поднимает брови, недоверчиво качает головой. Это всегда считалось ее причудой, чуть ли не привилегией: любить гостей, восхищаться ими, записывать в особую тетрадку рассказанные ими истории, с нежностью вспоминать тех, кто заходил прежде, с нетерпением ждать новых. Франк всегда относился к их клиентам с доброжелательным равнодушием. Дескать и хотел бы всерьез заинтересоваться, да вот беда: слишком долго жил на свете, слишком много повидал, успел понять, что все человеческие лица, в сущности, похожи, а великое множество историй — суть одна история, увлекательная лишь поначалу. Первые лет пятьсот.

— Что же это за гости такие, что даже тебя проняло?

— А вот увидишь, — и он вдруг заговорщически подмигивает.

Нечего и говорить, что с этого момента Тришин день становится длинным и тягучим, часы ее идут так медленно, что лучше бы уж вовсе стояли, дожидаться — не то что вечера, обеда — решительно невозможно, но ей это, в отличие от большинства, очень нравится. Триша умеет сладко томиться ожиданием, вместо того, чтобы маяться. Она много чего умеет, умница, хорошая кошка.

Когда ночь опустилась на город, и трава в саду запахла свежими морскими водорослями, а толстые домашние светляки лениво потрусили по садовым дорожкам на свои обычные места, Триша уселась на крыльцо, чтобы не пропустить гостей. Роковая ошибка: услышав за спиной шаги и голоса, она поняла, что гости явились из сада и вошли через заднюю дверь. Странно вообще-то. Обычно через сад только сам Франк и ходит, когда вспоминает (кажется, без особого удовольствия), что у него есть другие дела, кроме города и «Кофейной гуци». Ну и еще, конечно, сновидцы, но они-то не в счет.

«Вот так так!» — озадаченно произносит незнакомый мужской голос, а Франк отвечает: «Было бы чему удивляться»; какая-то женщина просит: «Познакомь нас», а потом они начинают говорить все вместе, выходит совершенно неразборчиво. Триша прислушивается, не решаясь вот так сразу взять да и войти. Иногда она становится застенчивой, и обычно это случается совершенно некстати, вот как сейчас. Она сидит на крыльце и обещает себе: «Вот пусть закончат здороваться, и я зайду...», а потом, минутой спустя: «Ладно, сейчас они потребуют кофе, и тогда...» — и еще через пять минут решает: «Франк меня сам позовет, когда будет нужно».

И словно услышав эти ее мысли, Франк говорит: «Хотел бы я знать, куда подевалась Триша? Небось на крыльце вас караулит». «Я ее знаю?» — неуверенно спрашивает мужской голос, и Франк отвечает: «Не думаю. Но это легко поправимо».

Она понимает, что откладывать знакомство больше нельзя, поднимается со ступеньки, с наслаждением потягива-

ется, зевает, мотает головой, чтобы взбодриться и заходит в дом.

— Доброй ночи, — говорит она. — Меня зовут Триша. Я — кошка Франка.

Ей, чего греха таить, нравится шокировать таким признанием новых клиентов. Обычно в подобных случаях Франк укоризненно качает головой, но сейчас он одобрительно ухмыляется в усы. Зато гости относятся к Тришиному признанию совершенно спокойно, словно бы ничего иного и не ожидали. Милая сероглазая женщина улыбается Трише с явным сочувствием, только что не подмигивает по-свойски, но к тому идет. Сама, что ли, тоже кошка? Или другой какой-нибудь зверь?

— Изредка я становлюсь птицей, — объясняет она. — Если вдруг что, постарайтесь, пожалуйста, на меня не охотиться. Я крупная, когтистая и сердитая птица. Меня и гладить-то в таких случаях не стоит.

— Не буду охотиться, — обещает Триша. — Я, собственно, и раньше не... Я же была домашняя кошка, какая тут охота! Давайте я вам лучше лимонад принесу. Домашний, из погреба, хотите?

— Очень хотим, — тут же отвечает мужчина в летнем костюме болотно-зеленого цвета, похожем на полевую военную форму какой-нибудь неизвестной державы, только без знаков отличия.

Триша уставилась на него с нескрываемым любопытством: прежде сюда друзья и знакомые Франка никогда не заглядывали, а ведь она слышала из-за двери: эти двое говорили именно как старые приятели. На первый взгляд, человек как человек, ничего особенного. Светлые рыжеватые волосы несколько месяцев назад, надо думать, были аккуратно подстрижены, но с тех пор изрядно отросли, и теперь закрывают уши и лоб. Подвижное, изменчивое лицо — одно из тех, что почти невозможно запомнить, даже опознать по фотографии — тяжкий труд. Его можно было бы назвать неприметным, если бы не причудливое, почти неуместное сочетание обаятельной мальчишеской улыбки и тяжелого взгляда — примется такой тебя рассматривать, того гляди сугулиться начнешь. Рядом с ним

Трише становится немного не по себе — не то чтобы всерьез испугалась, а совсем чуть-чуть, как будто глухой ночью, сидя в теплой, на все засовы запертой кухне, вой звериный за окном услышала — далеко-далеко, и заранее ясно, что сюда-то уж точно не доберется неведомое чудище, но озноб все равно пробирает — вот примерно так.

— Меня зовут Макс, — говорит незнакомец, вежливо опуская голову.

Теперь, стало быть, можно считать его знакомцем — теоретически.

Триша вопросительно смотрит на Франка: дескать, кто это такой? Но дядюшка Франк прячет в усах улыбку, да бровь приподнимает загадочно. Что хочешь, то и думай, мне и самому интересно, до чего ты додумаешься — примерно так следует его понимать.

Триша бежит в погреб за своим фирменным зеленым лимонадом, выбирает лучшие стаканы — высокие, прозрачные, из тонкого стекла, бережно разливает пенный напиток. Гость по имени Макс тем временем усаживает свою спутницу в плетеное кресло, отлично приспособленное для того, чтобы отдыхать и курить, лениво озираясь по сторонам, а сам обходит кофейню, разглядывает глиняные вазы, трогает деревянные столешницы, нюхает сухие и свежие букеты, улыбается мечтательно. Движения его кажутся плавными, неспешными, ленивыми, на деле же он носится как вихрь — раз, раз, и осмотрел помещение, куда можно, нос уже сунул, куда нельзя (за стойку, то есть) — тоже. Взялся за ручку двери ведущей в сад, спросил Франка: «Я ведь никуда не исчезну, если?..» — и не договорив, не дожидаясь ответа, был таков, а минуту спустя вернулся с сухим прошлогодним листком в волосах, с мокрыми травинками, прилипшими к ботинкам, окруженный резвыми щенками тумана, а двоих, самых мелких, в охотке притащил. Гладит их, тербит, радуется как мальчишка.

— Никогда таких зверят не видел, — вздыхает. — Вот это да! Такие мне точно не снились.

— Думаешь, кроме тебя некому? — ухмыляется Франк. — Одними твоими фантазиями жизнь не наладишь. У тебя, прости уж, не настолько богатое воображение, да и в деталях